

На перекрестках судьбы Вег. Москва. - 1995. - 6 июля. с.3.

Трибунал Наталии Медведевой

Наталия Медведева, эмигрировав в юности за океан, смогла «не потеряться» там, не стала и тенью своего знаменитого мужа Эдуарда Лимонова.

Наталия сама по себе личность незаурядная — издательство «Грампус Эйт» выпустило три тома ее романов в ярко-бульварных обложках, не совсем соответствующих агрессивному-грубоватому содержанию: «Моя борьба», «Любовь с алкоголем», «В стране чудес». А издательство «Искусство» (СПб) — великолепно оформленный сборник стихов «Я рею знаменем». Многие ее знают как исполнительницу романсов, танго, которые она привезла из Парижа и выпустила на компакт-диске и кассетах под декадентским названием «Париж-Кабаре Рус» (фирма «ЗвукОреки»). Она автор альбома — «Трибунал Наталии Медведевой. Russian Trip», который тоже вот-вот появится на CD (фирма «ФИЛИ»).

Я познакомилась с Н. Медведевой год назад. И мне интересно, как она, долго прожив за границей, воспринимает сегодняшнюю нашу действительность.

— Так кто же вы в ней, Наталия?

— Я себя причисляю к племени строптивых. В любые времена оно было. Но сегодня, в середине девяностых, особенно ярко представлено в России, где, уверена, и вершится история. Западный мир окончательно окаменел и, кажется, дошел в своем развитии до финальной точки. Об этом, кстати, наглядно свидетельствует их кинематограф. Это все цитатники прошлого: «Прирожденные убийцы», а до них «Дикие сердца», «Макулатура» (или «Бульварное чтиво»). Между прочим, и в России есть это же течение — постмодернисты Сорокин, Ерофеев... Они играют в слова, темы, уже имевшие место. Конечно, как говорится, «ничто не ново под луной», но тем не менее — одни играют, а другие живут. Так вот, я причисляю себя к живущим, и все, что я делаю в искусстве, мною пережито.

— Надо сказать, что вы иногда шокируете своей прямоотой. А некоторые называют это — грубостью, которая не должна быть свойственна женщинам.

— Я себя в искусстве не чувствую женщиной. Это не значит, что я становлюсь мужчиной! Вероятно, в творчестве художник снимает с себя социально-общественные условности. А что касается дозволенного и не дозволенного дамам, то из моих наблюдений могу заключить, что сами женщины невероятные ханжи, и то, что они прощают и позволяют мужчинам, ни за что не простят себе подобным. — Все-таки в русской литерату-

ре существовало такое понятие, как «литературный язык». Писатель — в некоторой степени проповедник света, добра...

— Ну да, общественный деятель! Такие качества он приобретает, когда выходит на общественность с книгой, вот, например, с этой — яркая обложка, с бабой в negligee на ней... Принятые в советской литературе «замены» вместо нормального языка привели к невероятно пошлому отображению того же секса в «народном фольклоре». В результате анекдот о сексе — наивысшая, русская частушка — похабнейшая, настенно-заборное творчество — об этом же. И даже арестовывают до сих пор, как Д. Быкова, за «матушку». А Лев Гумилев, кстати, говорил, что Анна Ахматова любила по «матушке» пройти, но, разумеется, не в творчестве.

— Вы часто делаете акцент на словах «жизнь», «живой», «жизненный». Какой-то особый смысл вкладываете в то, что называют жизнью?

— Да это не жизнь, а подобие, пародия и интерпретация жизни. На Западе уже давно вошло в обиход выражение Ги Дебора «общество спектакля». Отвратительно, что Россия в этот период возможностей невозможного впитывала в себя только вот эту театральную сторону западной цивилизации и впитала-таки! В общем-то, даже терроризм это спектакль, к которому мы насильно «подключены» всеми СМИ. Но точно такой же терроризм «Поле чудес», «На-На», правительственные партии. Так как люди совершенно разучились доверять себе, своим инстинктам — нравятся не нравятся, люблю-не люблю — и позволили кому-то за них решать жизненно важные вопросы, вполне возможно, что они принимают за свои собственные эти решения и выборы, навязанные им «спектаклем»! Мы живем в эпоху супер-информированности наравне с гиперневежеством. Все очень много чего-то знают, но объяснить, что это такое, не могут! Человек полностью предал себя, свое Я. Он во всем полагается на какие-то комментарии, анонсы, на соседа Васю! Только сам не участвует, никоим образом не «включает» себя и свой арсенал страстей-инстинктов-мироощущений-верований-памяти, то есть — нет его. Что же это за жизнь такая, если человека-животного в ней нет?!

— Для вас человек ценен именно как животное, с его страстями и эмоциями, а не человек с приобретенными качествами цивилизации?

— Дело все в том, что именно в «обществе спектакля» эти

качества важны, а в жизни, в моменты исторических свершений, кульминаций все решают самые что ни на есть аутентичные, то есть первобытные человеческие проявления — воля или отсутствие ее, совесть или бессовестность, подлость или благородство. И, кстати, умение выбирать, как говорили древние, «умение целиться» правильно — не цивилизованностью обусловлено и уж, конечно, не вкусами «спектакля», а неким чутьем ценного, то есть культуры. Человек ведь очень чуткое, чувствительное, нервное животное. Он только все время в себе его давит. То у него времени нет, то он не доверяет себе, то на него горохом сыпятся чужие суждения и чувства. Сегодня же как никогда он должен выпускать свое Я на волю, иначе за него все опять решат: «дом построят, заживут!»

— Я поняла, на какой «дом» вы намекаете. Считаете, что и в политике должны присутствовать эти «животные» качества человека вместо «холодного разума»?

— В сегодняшней политической «тусовке» (это не мое выражение и уже о многом говорит!) — нет ни разума, ни страстей. Это борьба отдельных индивидуумов за оторванные места. Ну и рядом там какие-то еще претенденты крутятся... Как скучно, должно быть, поколению моих «младших братьев» смотреть просто на этих людей, не то что слушать! Они чуть ли не по складам читают, а те, у кого «язык подвешен», без костей — лепят кошмарные клише, расхожие какие-то фразы из кухонного репертуара. В них нет ни животного-эмоционального, разве что — у Жириновского и Анпилова, ни творческо-божественного. Бездарно все это очень. У Достоевского в «Бесах», по-моему, есть великолепное определение: «мысль почувствовала». Это нераздельность эмоционального и интеллектуального. Люди же, находящиеся у власти и вокруг, не способны на подобные состояния, на кайф от мысли. Они все советской формации, где мыслить и тем более еще удовольствие от этого получать, балдеть от интеллектуального труда не то что не надо было, а даже не советовалось. С чего же это они сегодня вдруг должны мыслить, да еще страстно?! В пятьдесят лет с лишним этому трудно научиться. Впрочем, и в тридцать тоже. Чего нет, того нет. Но в любом случае народ и его строптивые представители — они свою историю делают. Просто вопрос времени, когда эта «интраистория» займет место ей надлежащее, занятое сегодня «домушниками».

— Хотелось расспросить о музыке, песнях, которые должны вот-вот появиться... Серьезные такие, пафосные даже. Вы когда-нибудь шутите, смеетесь, а?

— Вот именно, что я смеюсь, а не хихикаю. Терпеть не могу так называемый «стёб» музыкальных передач, хиханьки да хаханьки. И сатиру я не люблю. Она, как щит, перед встречей с жизнью лицом к лицу. Я в этом смысле экстремист: смеяться — так до упаду, жить — так на полную катушку, бороться — так до смерти. Неохота, конечно, помереть так вот, вдруг. Еще много бы чего хотелось сделать...

Да, у Наталии Медведевой — планы и планы. И это после четырех книг только в этом, еще не закончившемся году!

Беседовала Мариана МАРКОВА

Медведева Наталия

6.7.95.